

УДК 81

**ФОЛЬКЛОРНЫЙ ДИСКУРС: О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ПРИЗНАКАХ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ
(на материале англо-американских фольклорных текстов)**

*А.В. Коллистратова
БрГУ, Братск*

Статья посвящена некоторым итогам исследования современных текстов народного искусства, репрезентирующих фольклорный дискурс, который в контексте данной работы трактуется как манипуляционный.

Ключевые слова: фольклор, новая культурная стадия, языковые средства манипуляции.

В основе настоящей статьи лежит мысль о том, что современное словесное народное искусство, рождающееся в новом коммуникативном пространстве, обладает некоторым лингвистическим механизмом, позволяющим осуществлять процесс манипуляции национальным сознанием.

Фольклор сегодня, как один из компонентов национальной культуры, привлекает внимание не только ученых из разных областей гуманитарного знания, но и общественности в целом. По определению, принятому Комитетом правительственных экспертов при ЮНЕСКО в 1985 году, фольклор – «это основанное на традициях творчество групп или личностей, отражающее ожидания общины, являющееся адекватным выражением ее культурного и социального самосознания» [1].

Б.Н. Путилов пишет, что данное определение не указывает на развитие фольклора, на эволюцию его традиционных форм. В нем отсутствует констатация того факта, что появляются новые виды и формы творчества. Такая критика определения термина *фольклор*, на наш взгляд, представляется несколько необоснованной, так как определить четкие границы фольклорного творчества весьма сложно. Тем более сейчас, когда неотъемлемым компонентом развития общества является информационная сеть, оказывающая существенное влияние на современное фольклорное пространство, под которым

мы понимаем совокупность возможностей передачи культурного наследия.

В настоящее время много говорят и пишут о том, что сетевая коммуникация заменяет реальное человеческое общение, следовательно, фольклор также перемещается в сетевое пространство, облачаясь в новые формы, наполняясь новым содержанием. Фольклорные формы модифицируются в соответствии с новым временем культуры. Если говорить о значимости данной проблемы, то она подкрепляется рядом фактов, свидетельствующих о том, что сетевая среда становится одной из основных сфер осуществления активности человека. Согласно прогнозам, уже к 2012 г. существенная часть информационных ресурсов человечества будет переведена в цифровой формат, а доступ к высокоскоростному Интернету будут иметь миллиарды людей, которые получат возможность взаимодействовать друг с другом не в рамках географического пространства, а в неограниченном виртуальном пространстве, которое является точкой отсчета появления новой культурной стадии развития [2].

Использование фольклора в Интернет-пространстве связано, прежде всего, с пониманием его как коммуникативной системы, в которой отражается современный мир в образах прошлого. Именно здесь происходит необходимая трансформация, возникает специфическая «каверверсия / ремикс» архаического фольк-

лорного произведения или создается нечто совершенно новое, вызывающее неподдельный интерес. Таким образом, в центре наших исследовательских интересов оказались тексты современного фольклора.

В качестве примеров таких текстов мы рассматриваем один из жанров современного фольклора – англоязычные сетевые городские легенды. Это рассказы людей нового поколения, которые берут некие элементы объективной реальности или знаки исторического фольклора и «раскрашивают» их в свои определенные цвета, семиотически значимые для той или иной группы лиц в пределах определенного социокультурного контекста. В результате создается некая «магия данного времени культуры», оказывающая воздействие на национальное сознание, которое в рамках настоящей работы можно рассматривать как манипуляционное.

Выявление механизмов процесса манипулятивного воздействия, раскрытие его технологических закономерностей, а также классификация средств манипуляции привлекают особое внимание ученых в области лингвистики.

А.М. Каплуненко раскрывает признаки манипулирования сознанием, опираясь на различие Мира Действия (МД) и Мира Ценности (МЦ). Согласно мнению исследователя, в формулировках признаков манипуляции сознанием выделяется характерная особенность: лингвистические показатели МД противоречат показателям МЦ. Поскольку дискурс порождается и функционирует в МД, но проецируется, планируется, исходя из сущностей МЦ, можно полагать это противоречие как статутный признак манипуляционного дискурса [3].

В качестве языкового материала, подтверждающего данное положение, рассмотрим пример городской легенды “Bloody Mary”. В человеческом сознании, точнее, в МЦ, концепт “Bloody Mary” закреплен за определенным мифологическим знанием, которое вызывает чувство страха и опасения за свое существование. Источником такого знания является ан-

лийский исторический миф о Кровавой Мэри. Целесообразно напомнить его суть. Кровавая Мэри – это старуха, которая жила в глубине леса и собирала на продажу лечебные травы. Люди из ближайшего поселка считали ее ведьмой. Как-то в округе стали исчезать маленькие девочки. Убитые горем родители обыскивали лес, но нигде не могли найти своих детей. Кровавая Мэри отрицала свою причастность к пропаже девочек. Но люди заметили, что старуха очень изменилась. Стала выглядеть моложе и привлекательнее. В итоге обнаружилось, что убивала детей именно она и затем использовала их кровь, чтобы омолодиться. Люди решили сжечь ее на костре. Старая, Кровавая Мэри выкрикнула проклятие. К любому, кто упомянет ее имя перед зеркалом, придет мстительный дух, и человек погибнет ужасной смертью.

Современная версия городской легенды, т. е. версия, бытующая в МД, посредством переноса сюжета в другое временное пространство вызывает отчуждение таких знаний от человека. Пугающий первоначальный смысл мифа теряется, уходит на задний план, остается ощутимой лишь слабая, но не исчезающая связь с архаическим инвариантом знаками *Mary, blood, child*. В сознании современного человека суть исторические фольклорные знаки становятся пустыми вследствие происходящих изменений в его быденной жизни, повлекших изменения МЦ. Таким образом, в дискурсе современной легенды предлагается поиграть с чувством страха и ужаса в повседневной жизни.

Now if you follow these instructions, you may be able to see Mary for yourself. At midnight on Friday the 13th, turn off all the lights in your house. Go to the bathroom and turn on the water in the shower and the sink. Flush the toilet, look into the mirror and say “Bloody Mary” 5 times. She will appear in mirror. You need to hurry and turn on the light or she will stab you in the back.

Данный пример выводит на первый план мысль о том, что современному человеку не хватает острых ощущений, не хватает ситуаций, способствующих выбросу адреналина, которые, как правило,

способствуют выработке иммунитета к частым стрессовым ситуациям, наполняющим его жизнь. Таким образом, вышеизложенные размышления позволяют сделать вывод о том, что изменения МЦ влекут за собой создание копий исходных знаков, закрепленных в коллективном бессознательном. Иными словами, происходит симуляция знака, которая представляет сущность манипулятивного процесса.

По мнению А.М. Каплуненко, в условиях связности МД и МЦ познание проходит три этапа в каждом из миров. На первом этапе познания дискурсу различий в МД соответствует концепт в МЦ. Организуясь вокруг одного и того же концепта, дискурс обнаруживает многочисленные различия, связанные с индивидуальными контекстами интерпретации. Второй этап познания – дискурс согласования, где признаком манипуляции является результат стремления приписывать определенные признаки именам, совершая при этом некоторое насилие над связью означаемого и означающего. Третьему этапу соответствует дискурс экспертного сообщества, закрытой субкультуры, носители которой вырабатывают правила поведения термина как знака.

Рассмотрим пример – городскую легенду “*Progesterex*”.

There is a new drug called, Progesterex, that is a sterilization pill.

Внимание привлекает тот факт, что уже на начальной стадии воздействия дискурс экспертного сообщества (ДЭС) представляет дискурс власти. К представителям экспертного сообщества в данном случае относим тех, кто владеет глубоким медицинским знанием, ему известно название данного препарата в силу своей профессиональной деятельности. В ДЭС связь между означающим и означаемым закреплена в термине *Progesterex*, который обладает весьма плотным содержанием. Далее,

The drug is now being used by rapist at parties to rape and sterilize their victims. My best friend's mom works at a pharmacy and she said

the drug is available exclusively to veterinarians to sterilize large animals.

Автор настойчиво ищет очевидца, который является авторитетным источником информации (поскольку невозможно быть экспертом во всех областях современного знания). В данном случае это мама лучшего друга, которая работает в аптеке и утверждает, что данный препарат используется в ветеринарных целях. Таким образом, происходит преобразование термина, имеющего плотное содержание, в понятие, границы которого не такие устойчивые. Связь между означающим и означаемым становится менее прочной. Для манипулируемого знак *Progesterex* имеет множественную интерпретанту. Преодоление различий, обусловленных конкретным содержанием термина *Progesterex*, осуществляется в дискурсе согласования. Раскрывая сущность последнего, А.М. Каплуненко характеризует его как «подлинный диалог, ориентированный на Другого» [2]. Иными словами, в сознании манипулируемого происходит закрепление интерпретанты знака *Progesterex* как «лекарственного препарата».

Далее манипулятор использует информацию, которая не является достоверной, это слухи и сплетни, переданные ему из его окружения.

I have heard from several of my friends that are still in grad school up north that at frat parties at their schools the drug is being used with Rohypnol (roofies), the date rape drug. With Rohypnol, all they have to do is drop it into their drink. The girl can't remember a thing the next morning of what happened the night before.

Эксперт убеждает манипулируемого не анализировать понятие на уровне дискурса согласования, а значит, власть манипулятора признается, т. е. термин принимается без интерпретации, и можно выходить в дискурс различий. В итоге, манипулятор заключает “*the drug's affects aren't temporary. Any woman that takes it will not have children ever in her life*”, что является свидетельством навязывания манипулятором своей интерпретанты манипулируемому, складываемой из цепочки *Pro-*

gestere – all they have to do is drop it into their drink – will not have children ever in her life, которая, в свою очередь, закладывает отрицательное отношение к данному знаку. Манипулятор апеллирует к чувствам и эмоциям слушателя, создавая в его сознании параллельную связь с его собственным организмом, тем самым, производя наложение проблем общества на личные проблемы слушателя.

Еще одним примером, выявляющим лингвистический механизм манипуляции сознанием, является городская легенда “*Buggy Burrito*”. Современную легенду такого типа можно условно сравнить с «психическим вирусом», суть которого заключается во внедрении идеи о некоем объекте. В данном случае, речь идет о пагубном влиянии “*fast food*” на здоровье людей. Воспользовавшись убеждениями Дж. Суэлза о том, что к экспертному дискурсивному сообществу можно отнести не только профессиональные группы, но и любые объединения с общей коммуникативной целью, можно предположить, что любители мексиканской кухни – это тоже своего рода экспертное сообщество. Итак, для представителей ДЭС термин *Burrito* имеет достаточно плотное содержание, т. е. это одно из блюд с очень хорошими вкусовыми качествами, питательное, которое может заменить полноценный одноразовый прием пищи. Иллюстрацией вышеизложенных размышлений служит первая часть текста.

Sara was driving home from work. Not wanting to worry about cooking dinner once she got home, she decided to stop for some take out. She pulled into her local Taco Bell and ordered a burrito.

Манипулятор описывает заурядный конец рабочего дня любого трудящегося человека, который предпочитает поужинать по дороге домой, чтобы не тратить время на приготовление себе пищи. В круг предпочтений входит пища, предлагаемая в Тасо Белл. Тасо Белл – сеть ресторанов быстрого питания мексиканской кухни, принадлежащая компании Yum! Brands. Сеть была основана в 1962 году предпринимателем Гленом Беллом.

В сеть входят тысячи ресторанов в США, Канаде, Австралии, Китае, Великобритании, Германии, Исландии, Мексике, на Филиппинах, в Сингапуре и Южной Корее и др. (большая часть из них работает по франшизе). Только в США действует свыше 5800 ресторанов Тасо Белл. В меню Тасо Белл только мексиканская кухня: буррито, тако, начос, мексиканская пицца и другое.

Далее следует описание признаков недомогания, которое рассматривается в настоящей работе как «приписывание определенных признаков имени, совершая при этом некоторое насилие над связью означаемого и означающего» [2].

When she woke up the next day, her tongue felt sore and a little swollen. So she went to see her doctor to find out what was wrong. The doctor didn't find anything on his initial examination, so he told to come back if it got any worse.

Ясно, что причину физического недомогания выявить весьма непросто.

Days later her tongue swelled up considerably and became very sore. She went back to the doctor and he decided to do a minor surgery.

В данном случае можно рассматривать врача, как представителя «дискурса различий», то есть человека, для которого мексиканская кухня не входит в круг предпочтений. Он, соответственно, как человек, не сталкивающийся с последствиями употребления такого рода пищи, не может поставить истинный диагноз немедленно. Далее,

When the doctor had cut open her tongue he found a cyst among her taste buds filled with cockroach eggs.

Иными словами, концепт *Burrito* с помощью ассоциативного ряда знаков *work – a burrito – sore – a minor surgery – cockroach eggs* приобретает несколько иное наполнение. Таким образом, минуя «дискурс согласования», термин *Burrito*, который понимается, как «очень вкусное, питательное блюдо мексиканской кухни», переходит в «дискурс различий», что подтверждается следующим высказыванием: *They traced the eggs back to the burrito from her fast food dinner.* Только на данном этапе доктору стало ясно, что причиной недо-

могания Сары стало употребление буррито.

Таким образом, концепт *Burrito* подразумевает разновидность вкусной и питательной мексиканской пищи, но иногда оказывающей отрицательный эффект на здоровье человека.

Итак, можно говорить о работе механизма манипуляции сознанием, суть которого «в использовании лишь части полной цепи связей и взаимодействий» [3]. В анализируемом примере из идеальной схемы познания выпадает одно звено – термин *Burrito*, который возникает в дискурсе согласования.

Вывод: исследуя технологическую сущность манипуляции сознанием, рассматриваемую в настоящей статье сквозь призму ряда закономерностей познания человеком действительности, можно констатировать, что в текстах современного фольклора существует некоторое количество специальных языковых средств, с помощью которых осуществляется манипулятивное воздействие на сознание, а именно, использование имен собствен-

ных, личных местоимений, знаков архаического фольклора, закрепленных за историческим знанием.

Все указанные языковые средства используются манипулятором для реализации скрытого воздействия на сознание, внедряя в психику манипулируемого цели, мнения, установки.

Литература

1. Путилов Б.Н. Фольклор и народная традиция: моногр. СПб., 1994. С. 18.
2. Алексеевский М.Д. Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.folk.promorsu.ru> (дата обращения: 29.01.2011).
3. Каплуненко А.М. О технологической сущности манипуляции сознанием и ее лингвистических признаках. Аргументация vs манипуляция // Вестн. ИГЛУ. Сер. Коммуникативистика и коммуникациология. 2007. № 5. С. 213.

УДК 370

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО БАКАЛАВРА

О.Г. Ларионова, д-р. пед. наук
БрГУ, Братск

В статье раскрывается суть информационно-методологической компетентности, необходимой для специалистов современного информационного общества. Предлагаются общие методические подходы к организации обучения в профессиональном учебном заведении, направленные на развитие рассматриваемой компетентности у будущих бакалавров.

Ключевые слова: методология, теория контекстного обучения, методические компоненты контекстного обучения, компетентностный подход, информационно-методологическая компетентность.